




Сяо Цзиньюй

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, КНР
ORCID ID: 0000-0002-1118-5413 

Ян Кэ

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, КНР
ORCID ID: 0000-0001-8603-6917 

 **E-mail:** najia0802@163.com; mashayang1963@aliyun.com.

Экология языка в странах Балтии: взгляд китайских русистов

АННОТАЦИЯ. В настоящее время страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) имеют исторически обусловленные непростые отношения с Россией. Это проявляется во многих значимых сферах, одной из которых является языковая политика. На основании рассмотрения особенностей политики в странах Балтии в статье анализируется состояние языковой экологии (то, насколько сохраняется языковое многообразие) этих стран, в том числе специфика социального положения русского языка. Характеризуются основные периоды разнонаправленной языковой политики в рассматриваемом регионе в течение XX века: жесткая русификация в период Российской империи и последующая кратковременная либерализация; утверждение высшего правового статуса национальных языков в период независимости; русификация в первый этап существования советской власти — с 1940 по 1941; двуязычие до периода распада Советского Союза, преимущественное использование русского языка во многих сферах деятельности; провозглашение национальных языков единственными государственными в ходе становления современных суверенных государств. В XX веке страны Балтии стали своеобразными полигонами по использованию различных типов языковой политики, социальные позиции национальных языков в них многократно и существенно изменялись. Анализируются принимавшиеся в данных государствах в последнее время законы о языке, их соответствие законодательным нормам ЕС, социальное положение русскоговорящего меньшинства. Для обеспечения баланса в регулировании состояния языковой экологии при формулировании приоритетов языковой политики следует прежде всего учитывать закономерности языкового развития и взаимодействия языков; необходимо также отказаться от узкого национализма, на что страны Балтии должны обратить особое внимание. Русский язык, который играл значительную роль в этих регионах в советское и досоветское время, вправе продолжать выполнять важные коммуникативные функции там и в будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая экология; языковая политика; языковая ситуация; социолингвистика; русский язык; китайская русистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сяо Цзиньюй, профессор Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдадао, 2; e-mail: najia0802@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдадао, 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сяо Цзиньюй. Экология языка в странах Балтии: взгляд китайских русистов / Сяо Цзиньюй, Ян Кэ // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 241-247. — DOI 10.26170/pl20-03-25.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при поддержке гранта «Innovation School Project in Higher Education of Guangdong, China» (№ GWTP-YJ-2015-04: «Экология русского языка в странах вдоль „Пояса и пути“»).

I. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в настоящее время страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) имеют непростые межгосударственные отношения с Россией, что обусловлено советским и досоветским периодами их истории. В начале XX в. они были провинциями царской империи, боролись за независимость в периоды Октябрьской революции и Первой мировой войны, в 1940 г. были присоединены к Советскому Союзу, а после его распада вернулись к независимости. Исторические пути этих трех стран в XX в. весьма сходны. По происхождению языка титульной нации Эс-

тония стоит особняком: латышский и литовский языки являются близкородственными и составляют балтийскую группу индоевропейской языковой семьи; эстонский же принадлежит к финно-угорской группе уральской семьи. Латинская письменность применяется во всех трех языках. Литовский считается одним из индоевропейских языков, наиболее хорошо сохранившихся с древнейших времен. В составе балтийской группы сегодня представлены только латышский и литовский (ещё один — прусский язык — исчез в конце XVIII в.). Длительное время данные языки бытовали в условиях славянского и германского лингвокультурного окру-

жения; русский и немецкий языки оказали определенное влияние на их словарный состав и структуру. Изменения в языке во многом зависят от окружающей языковой и культурной среды и от межъязыковых контактов.

В советское время немало людей из других регионов СССР мигрировало в республики Прибалтики, что в некоторой степени изменило их демографическую структуру. Численность населения этих стран, принадлежащего к титульным нациям, в Эстонии сократилась с 88,0 % до 61,3 % (к 1989 г.), в Латвии — с 77 % до 52 %. В Литве сложилась принципиально иная ситуация: данный показатель почти не изменился, составив соответственно 80,6 % и 79,6 %. Демографические изменения закономерно привели к изменениям в структуре пользователей языка: местные жители начали осваивать русский язык, а небольшое количество русскоговорящих приезжих стало изучать местные языки. Русский был основным языком Советского Союза. Были открыты местные русские школы, и дети тех, кто не являлся носителем местного языка, могли учиться в школах с преподаванием предметов на титульном языке, но часто предпочитали первые. В русских школах не преподавали в обязательном порядке местные языки, однако для школ с преподаванием на местных языках курс русского был обязательным, что вело к так называемому двуязычию, при котором в действительности приоритетное положение занимал русский язык. В такой ситуации представители титульных наций должны были владеть русским языком. Например, в Эстонии русский язык стал средством официального общения в организациях и учреждениях, в том числе административных. Существовало требование использования русского языка при подаче диссертаций. Владение русским было обязательным условием для получения профессиональной квалификации или вступления в КПСС. В общем, русский язык использовался как основной или единственный во многих отраслях и структурах, таких как финансовая система, госбюджет, статистика, аэропорты, энергетика, военная промышленность, транспорт, армия, специальные службы. После распада Советского Союза страны Балтии вновь обрели независимость. Политические и лингвистические характеристики новых государств менялись, в том числе в связи с тем, что титульные этносы теперь составляют языковое большинство.

Современные страны Балтии очень отличаются от советских прибалтийских республик. В советское время массовые мигра-

ционные процессы превратили их в полиэтнические регионы: русский стал доминирующим официальным языком, а местные языки переместились на сравнительно скромные позиции — в основном они использовались в неофициальном, обиходно-бытовом общении; их функциональная сфера в коммуникативном пространстве Прибалтики неуклонно сокращалась. Структура и культура общества, сформировавшиеся в советский период, затем подверглись радикальным изменениям. Тем не менее они продолжают оказывать существенное влияние на социальную жизнь современных стран Балтии, в том числе в аспекте взаимоотношений языков и государственной языковой политики.

II. ЯЗЫКОВАЯ ЭКОЛОГИЯ СТРАН БАЛТИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕНЯЮЩЕЙСЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Языковая политика тесно связана с изменениями в жизни общества. С точки зрения языковой экологии языковая политика обусловлена спецификой социально-культурной среды функционирования языка (языков); влияет на характер коммуникативного пространства общества, на взаимоотношения сосуществующих в нем языков. Так, на фоне официального вступления Эстонии и Латвии в ЕС и НАТО жесткая языковая политика этих стран привела к серьезным последствиям: подверглась осуждению дискриминация русского и русскоговорящего меньшинства, ЕС направила в данные страны несколько делегаций для проверки реальной ситуации и формирования экспертного заключения о социальных позициях языков, гражданских правах населения и планах социальной интеграции. От руководства ЕС исходило не только одобрение сложившейся ситуации, но и рекомендации и даже предупреждения.

На протяжении XX в. в странах Балтии сменилось по меньшей мере шесть типов языковой политики: 1) жесткая русификация в период Российской империи и последующая кратковременная либерализация; 2) утверждение высшего правового статуса национальных языков в период независимости; 3) русификация в первый этап существования советской власти — с 1940 по 1941 г.; 4) продолжительный период навязывания немецкого языка в качестве главного официального; 5) двуязычие с приоритетным положением русского языка вплоть до распада Советского Союза в 1991 г.; 6) провозглашение национальных языков единственными государственными в ходе становления современных суверенных государств.

Можно сказать, что балтийские страны в XX в. стали лингвополитическими полигонами, на территории которых многократно и существенно изменялись социальные позиции национальных языков.

В едином многонациональном СССР русский как главный официальный язык был общепринятым средством общения. Вплоть до 1990-х гг. он оставался важнейшими средством приобщения к культурным ценностям, получения высшего образования. Владение русским языком обеспечивало возможность социального роста, продвижения по карьерной лестнице, миграции на территории всего СССР. Всё это вкупе с очень высокой степенью экономической интеграции всех республик и составляло основу функционирования русского языка как средства межнационального общения [Самсонов 2006: 68]. После развала Советского Союза в государствах Балтии сложилась новая языковая ситуация, которая прежде всего характеризуется правовым закреплением статусов титульных и нетитульных языков [Там же: 67]. Эта ситуация усложнилась после обретения балтийскими странами независимости в 1991 г. Когда они восстановили суверенитет, проблемы языковой политики стали одними из основных в их общественной жизни и политике. Данная проблематика тесно связано с вопросами политической, международной и языковой экологии. Международное сообщество часто чувствительно относится к тем или иным мерам языковой политики, живо реагирует на них. В обсуждаемой сфере вполне возможны разного рода недоразумения и даже «преднамеренные» недоразумения [Ozolins 1999].

Конкретные особенности языковой политики в каждой из рассматриваемых стран создают индивидуальную ситуацию, набор лингвополитических мер и инструментов в них неодинаковы. В Литве число нелитовцев очень невелико, и, как правило, они хорошо понимают литовский язык. По этой причине они интегрированы в современное литовское общество. Литовский язык был официально провозглашен государственным в декабре 1988 г. Стандарты национальной языковой политики, принятые парламентом Литвы в 2003 г., отражают стратегию развития литовского языка: они ориентированы на поддержку его высшего юридического статуса посредством усиления его позиций в жизни общества, в частности в системе образования. В Литве предъявляются различные требования к уровню владения литовским языком для представителей разных профессий. Например, от сиделок и нянь требуется самый низкий уровень знания языка, мед-

сестры и полицейские должны иметь средний уровень, а преподаватели и врачи обязаны достигнуть продвинутого уровня [Hogan-Brun, U. Ozolins, M. Ramoniené, M. Rannut 2008]. В Эстонии и Латвии иностранцы, желающие стать натурализованными гражданами, должны соответствовать определенным требованиям в плане владения государственным языком. В Эстонии, несмотря на то, что в школах и вузах русский язык как первый, основной, изучает лишь крайне ограниченное число людей и вне школьной и вузовской сфер они предпочитают эстонский и английский, русский язык всё еще используется как средство межнационального общения внутри страны и за рубежом, доминирует в контактах с представителями государств СНГ — с 1998 г. в эстонских школах возобновлено изучение русского языка как иностранного с 6 класса [Самсонов 2006: 72]. В Латвии Закон о государственном языке устанавливает основные правила использования языков в стране; он определяет латышский язык в качестве единственного государственного, тем самым объявляя русский язык иностранным. В реальной общественной жизни сегодня английский является первым и обязательным иностранным языком, а русский — вторым или третьим.

Власти в странах Балтии требуют использования национальных языков во всех общественных местах, всемерно укрепляют систему образования на национальных языках, поощряют применение национальных языков в публичных вывесках, сферах СМИ, издательской деятельности и официальном общении. Однако это не значит, что русский язык полностью утратил свой прежний статус в этих странах.

Реальность такова, что структуры ЕС вмешиваются в языковую политику правительств стран Балтии по той причине, что данные страны хотят быть полноценными членами ЕС. В Эстонии Закон об иммиграции и Закон о гражданстве были приняты в 1995 г., и эти законы создали серьезную напряженность в обществе. В Латвии широкое беспокойство вызвал тот факт, что поправке Латвии к Закону о гражданстве в 1998 г. предшествовало согласие ЕС. Подобное вмешательство ЕС не регламентировано международными правовыми стандартами, а скорее демонстрирует политическую решимость ускорить процесс ассимиляции бывшей советской Прибалтики в современной Европе. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе признает связь между языком и гражданством. При этом, надеясь, что процесс натурализа-

ции ускорится, она понимает также, что языковые способности людей не могут быть ускоренно изменены, поэтому выступает против жестких требований по использованию государственного языка в частном бизнесе.

Несмотря на это, новый Закон о языке, принятый парламентом Латвии в 1999 г., по-прежнему содержит положения об использовании государственного языка в частном бизнесе. После того, как президент страны наложил на Закон вето, в него были внесены некоторые изменения, включая положение, согласно которому ограничения на использование языка должны обеспечивать сбалансированность прав и интересов частных учреждений, организаций и компаний [Poleshchuk URL].

Эстония также применила аналогичный подход в 2000 г., изменив свои касающиеся использования языка законы с почти теми же формулировками, что и в Латвии. Однако языковыми требованиями, предъявляемыми к перечисленным в Законе отраслям и сферам так называемых «законных общественных интересов», была недовольна Европейская комиссия. Эстонский Закон о языке формально отвечает стандартам европейских организаций, но в действительности главным является вопрос о том, как интерпретировать неоднозначное слово «законные общественные интересы». С 2018 г. Министерство образования и науки Эстонии направило в различные ведомства на согласование новую Программу развития эстонского языка, важнейшей целью которой является формирование желаний, умения и способности каждого гражданина Эстонии пользоваться эстонским языком во всех сферах жизни, а также владеть иностранными языками. В составленной на следующие десять лет программе с подзаголовком «Язык создает ценности» речь идет об эстонском как родном и как иностранном языке, об эстонском языке за рубежом и, в отличие от предыдущей версии, об изучаемых в Эстонии иностранных языках [Вокруг новой стратегии развития эстонского языка разгораются страсти 2018].

Таким образом, мнение о серьезном влиянии языковой политики стран Балтии на их языковую экологию правомерно.

III. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Сегодня в рассматриваемых трех странах на Балтийском побережье русский стал иностранным языком национального меньшинства, оставаясь при этом языком межэтнического общения. Это привело к резкому ослаблению позиций русского языка в си-

стеме образования и в целом ухудшению современного состояния и перспектив социального статуса русского языка в странах Балтии. Развитие информационных технологий и сетевых технологий и их использование в науке, образовании и повседневной жизни привели к тому, что русский язык не только переплетается с большим количеством сетевых языков, но и становится своего рода «гибридным языком», насыщенным разнообразными проявлениями влияния английского. В странах Балтии почти все государственные чиновники понимают русский язык; например, сотрудники судебных органов могли бы говорить по-русски, тем более что многие из них не могут использовать так называемый официальный язык.

Следует констатировать, что на протяжении десятилетий в странах Балтии наблюдалось мощное советское влияние. В результате русский язык там стал «малым языком», при этом освоенным большинством жителей. В настоящее время представители разных этнических групп всё более охотно используют русский язык. Так, в Эстонии, согласно самооценке, от 60 % до 70 % неэстонских граждан не могут сдать экзамен по эстонскому языку, и количество людей, сдающих экзамен, меньше, чем ожидалось. Как заявил глава языкового отдела Министерства образования Пирет Кяртнер, власти страны стремятся создать такое положение дел, при котором на эстонском языке можно было бы учиться по всем специальностям на первой и второй университетских ступенях (бакалавриат и магистратура) [Вокруг новой стратегии развития эстонского языка разгораются страсти 2008], так как большим вопросом является нехватка преподавателей эстонского языка: уровень владения государственным языком среди иноязычных жителей страны растет не так быстро, как власти того хотели бы [Там же]. В связи с этим было отмечено, что ситуация с эстонским языком, по данным опросов, не слишком ясна и число людей, сдавших экзамен по эстонскому языку, не может полностью отразить реальное состояние языковой интеграции [Siiner 2006].

Примечательно, что большинство русскоговорящих резидентов не возражает против требований к ним выучить местный официальный язык. Легитимность государственных языков и языковой аспект политики в отношении гражданства ими в основном поддерживаются. Русскоговорящие жители Прибалтики в целом не чувствуют угрозы. С точки зрения социолингвистики важно, что их отношения с автохтонным населением характеризуются взаимной толерантностью;

русский до сих пор используется в повседневной жизни, в школах и вузах, в СМИ, в издательской сфере и в учреждениях культуры [Ozolins 1999].

В то же время резко возросло число русскоговорящих, освоивших официальный язык страны. Русское и русскоговорящее меньшинство, оставшееся в балтийских государствах, — группа не единая, а сильно дифференцированная. Серьезных внутренних конфликтов не было. В центре внимания правительственной работы в странах Балтии находится укрепление системы преподавания государственных языков; так, в Эстонии значительно увеличен объем преподавания эстонского языка в средних школах с обучением на русском языке. Отдельная важная задача — обучение государственным языкам взрослых. В целом в странах Балтии реальная языковая экологическая схема такова, что функциональная сфера русского языка сокращается, национальные языки ценятся, английский становится все более популярным. Таким образом, языковая экология стран Балтии характеризуется сосуществованием русского и местного языков, а также плавным распространением английского языка.

Язык является носителем культуры, а также инструментом деятельности в различных сферах, таких как политика и экономика. Можно утверждать, что языковая экология стран Балтии отражает их специфические социальные и культурные реалии, очевидным образом является результатом языкового планирования в данных странах. В процессе языкового планирования их правительства активно ссылаются на Общие европейские рамки для определения стандартов и методов обучения собственным национальным языкам в качестве второго языка, а также для определения стандартов и методов обучения иностранным языкам. По плану, дети начинают изучать второй язык и иностранный язык в начальной школе на основе программы обучения «1 + 2», то есть «второй язык и иностранный язык в дополнение к официальному языку». Балтийские страны усилили обучение иностранным языкам, особенно английскому. И, несмотря на то, что русский язык, став иностранным, потерял часть силы и влияния, он продолжает широко использоваться в коммерческой сфере.

В связи с политическими изменениями исторического масштаба решение обсуждаемых проблем и задач в странах Балтии сильно политизировано. Языковая политика используется в качестве политического средства для национальной интеграции. Законы о языках не игнорируют языковые способно-

сти и интересы жителей, мобилизуют различные группы и играют определенную роль в перераспределении прав. Язык не только символизирует национальную идентичность, но и отражает значимость независимости личности. Тем не менее необходимо отметить, что развитие языка характеризуется определенным имманентными закономерностями, многие языковые изменения происходят очень медленно (иногда в течение ряда веков), их результат могут проявиться в отдаленном будущем. В то же время данный процесс неизбежно подвержен социальным, политическим, культурным влияниям. Любое языковое планирование, если оно не учитывает закономерностей развития языка или опирается на узконационалистическую идею базу, в конечном счете непременно приведет к дисбалансу языковой экологии. Страны Балтии должны обращать внимание и на эти факторы. В связи с этим русский язык, как наиболее крупный язык в истории Прибалтики, принципиально не может исчезнуть там всего за несколько десятилетий. Более того: он вправе продолжать выполнять важные коммуникативные функции в странах Балтии и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вокруг новой стратегии развития эстонского языка разгораются страсти // Учительская газета. — 2018. — 9 февр. — URL: <https://rus.ohtuleht.ee/857475/vokrug-novoi-strategii-razvitiya-estonskogo-yazyka-razgorayutsya-strasti> (дата обращения: 08.09.2019). — Текст : электронный.
2. Григорян, Э. Динамика современных языковых ситуаций / Э. Григорян. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 1996. — № 2. — С. 46.
3. Гунаев, Е. А. Этническая идентификация: правовые аспекты / Е. А. Гунаев. — Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2013. — № 2. — С. 81—85.
4. Самсонов, Н. Г. Русский язык в странах СНГ и Балтии / Н. Г. Самсонов. — Текст : непосредственный // Вестник Северо-Восточного федерального университета. — 2006. — Т. 3, № 2. — С. 67—73.
5. Chandler, David. The OSCE and the internationalisation of national minority rights / David Chandler. — Text : unmediated // Ethnicity and democratisation in the new Europe / Karl Cordell (ed). — London : Routledge, 1999.
6. Chinn, J. The question of citizenship in the Baltics / Jeff Chinn, Lise A. Truex. — Text : unmediated // Journal of Democracy. — 1996. — No 7 (1). — P. 133—147.
7. Cooper, R. Language planning and social change / R. Cooper. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — Text : unmediated.
8. Deets, T. Reconsidering East European minority policy: Liberal theory and European norms / Timothy Deets. — Text : unmediated // East European Politics and Societies. — 2002. — No 16 (1). — P. 30—54.
9. Druviete, I. Linguistic human rights in the Baltic States / Ina Druviete. — Text : unmediated // International Journal of the Sociology of Language. — 1997. — No. 127. — P. 161—186.
10. European Commission. Regular report on Estonia's progress towards accession / European Commission. — Brussels : Commission of the European Communities, 2002. — URL: http://europa.eu.int/comm/enlargement/report2002/ee_en.pdf. — Text : electronic.
11. Hogan-Brun, G. Language politics and practices in the Baltic States / G. Hogan-Brun, U. Ozolins, M. Ramoniené, M. Ran-

nut // Language Planning and Policy in Europe / R. Kaplan, R. Baldauf, Jr. (eds.). — Clevedon, UK : Multilingual Matters Ltd., 2008. — Vol. 3 : The Baltic States, Italy, and Ireland. — P. 31—192.

12. Hogan-Brun, Gabrielle & Ramonienė, Meilutė (2003). Emerging language and education policies in Lithuania. / Gabrielle Hogan-Brun, Meilutė Ramonienė. — Text : unmediated // Language Policy. — 2003. — No 2 (1). — P. 27—45.

13. Ozolins, U. Between Russian and European hegemony: current language policy in the Baltic States / U. Ozolins. — Text : unmediated // Current Issues in Language & Society. — 1999. —

No 6. — P. 6—47.

14. Poleshchuk, V. Estonia, Latvia and the European commission: Changes in language regulation 1999—2001. Section 2, Article 2 / V. Poleshchuk. — URL: <http://www.eumap.org/articles/content/40/402>. — Text : electronic.

15. Siiner, M. Planning Language Practice: A Sociolinguistic Analysis of Language Policy in Post-Communist Estonia / M. Siiner. — Text : unmediated. — DOI 10.1007/s10993-006-9004-9 // Language Policy. — 2006. — No 5 (2). — P. 161—186.

Xiao Jingyu

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: 0000-0002-1118-5413 ☑

Yang Ke

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: 0000-0001-8603-6917 ☑

☑ *E-mail*: najia0802@163.com; mashayang1963@aliyun.com.

Ecology of Language in the Baltic Countries: A View of Chinese Specialists in Russian Studies

ABSTRACT. *At present, the Baltic states (Latvia, Lithuania and Estonia) have history-based complicated relationships with Russia. This is reflected in many significant spheres, and specifically in language policy. On the basis of observations of the peculiarities of language policy in the Baltic states, the article analyzes the state of language ecology (i.e. how language diversity is preserved) of these countries, including the specificity of the social position of the Russian language. The article characterizes the main periods of various kinds of language policy in the region under consideration during the 20th century: strict Russification during the period of the Russian Empire and the following short-time liberalization; adoption of the highest legal status of the national languages during independence; Russification during the first stage of Soviet power – from 1940 to 1941; bilingualism up to the time of the Soviet Union disintegration, preferential use of the Russian language in many spheres of activity; proclamation of the national languages as only state languages in the course of formation of the modern sovereign states. In the 20th century, the Baltic states turned into certain test grounds of using various types of language policy; the social positions of the national languages have been frequently and radically changed. The article analyzes the laws on language adopted in these countries recently, their compliance with the legislative norms of the EU, and the social position of the Russian speaking minority. In order to ensure balance in the regulation of the state of language ecology while forming the language policy priorities, it is necessary to take into account, first of all, the regularities of language development and interaction between the languages; it is also necessary to give up narrow nationalism, which should be a special issue for the Baltic countries. The Russian language, which played a significant role in these regions during the Soviet and pre-Soviet time has the right to continue to perform important communication functions there in the future as well.*

KEYWORDS: *language ecology; language policy; language situation; sociolinguistics; Russian; Russian Studies in China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Xiao Jingyu, Professor of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yang Ke, Candidate of Philology, Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

FOR CITATION: *Xiao, Jingyu. Ecology of Language in the Baltic Countries: A View of Chinese Specialists in Russian Studies / Xiao Jingyu, Yang Ke // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 241-247. — DOI 10.26170/pl20-03-25.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research has been accomplished with financial support of the Grant «Innovation School Project in Higher Education of Guangdong, China» (№ GWTP-YJ-2015-04: «Russian Language Ecology in the Countries of the Belt and Road Initiative»).*

REFERENCES

1. Passion Flares Up Around a New Development Strategy for the Estonian Language // Teacher's Newspaper. — 2018. — Feb 9. [Vokrug novoy strategii razvitiya estonskogo yazyka razgorayutsya strasti // Uchitel'skaya gazeta. — 2018. — 9 fevr.]. — URL: <https://rus.ohuleht.ee/857475/vokrug-novoi-strategii-razvitiya-estonskogo-yazyka-razgorayutsya-strasti> (date of access: 08.09.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Grigoryan, E. Dynamics of Modern Language Situations / E. Grigoryan. — Text : unmediated // Russian speech. — 1996. — No. 2. — P. 46. [Dinamika sovremennykh yazykovykh situatsiy / E. Grigoryan. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya

rech'. — 1996. — № 2. — S. 46]. — (In Rus.)

3. Gunaev, E. A. Ethnic Identification: Legal Aspects / E. A. Gunaev. — Text : unmediated // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. — 2013. — No. 2. — P. 81—85. [Etnicheskaya identifikatsiya: pravovye aspekty / E. A. Gunaev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. — 2013. — № 2. — S. 81—85]. — (In Rus.)

4. Samsonov, N. G. Russian Language in the CIS and Baltic Countries / N. G. Samsonov. — Text : unmediated // Bulletin of the North-Eastern Federal University. — 2006. — V. 3, No. 2. — P. 67—73. [Russkiy yazyk v stranakh SNG i Baltii / N. G. Samsonov — Tekst :

neposredstvennyy // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. — 2006. — T. 3, № 2. — S. 67—73]. — (In Rus.)

5. Chandler, David. The OSCE and the internationalisation of national minority rights / David Chandler. — Text : unmediated // Ethnicity and democratisation in the new Europe / Karl Cordell (ed). — London : Routledge, 1999.

6. Chinn, J. The question of citizenship in the Baltics / Jeff Chinn, Lise A. Truex. — Text : unmediated // Journal of Democracy. — 1996. — No 7 (1). — P. 133—147.

7. Cooper, R. Language planning and social change / R. Cooper. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — Text : unmediated.

8. Deets, T. Reconsidering East European minority policy: Liberal theory and European norms / Timothy Deets. — Text : unmediated // East European Politics and Societies. — 2002. — No 16 (1). — P. 30—54.

9. Druviete, I. Linguistic human rights in the Baltic States / Ina Druviete. — Text : unmediated // International Journal of the Sociology of Language. — 1997. — No. 127. — P. 161—186.

10. European Commission. Regular report on Estonia's progress towards accession / European Commission. — Brussels : Commission of the European Communities, 2002. — URL: http://europa.eu.int/comm/enlargement/report2002/ee_en.pdf. —

Text : electronic.

11. Hogan-Brun, G. Language politics and practices in the Baltic States / G. Hogan-Brun, U. Ozolins, M. Ramonienė, M. Rannut // Language Planning and Policy in Europe / R. Kaplan, R. Baldauf, Jr. (eds.). — Clevedon, UK : Multilingual Matters Ltd., 2008. — Vol. 3 : The Baltic States, Italy, and Ireland. — P. 31—192.

12. Hogan-Brun, Gabrielle & Ramonienė, Meilutė (2003). Emerging language and education policies in Lithuania. / Gabrielle Hogan-Brun, Meilutė Ramonienė. — Text : unmediated // Language Policy. — 2003. — No 2 (1). — P. 27—45.

13. Ozolins, U. Between Russian and European hegemony: current language policy in the Baltic States / U. Ozolins. — Text : unmediated // Current Issues in Language & Society. — 1999. — No 6. — P. 6—47.

14. Poleshchuk, V. Estonia, Latvia and the European commission: Changes in language regulation 1999—2001. Section 2, Article 2 / V. Poleshchuk. — URL: <http://www.eumap.org/articles/content/40/402>. — Text : electronic.

15. Siiner, M. Planning Language Practice: A Sociolinguistic Analysis of Language Policy in Post-Communist Estonia / M. Siiner. — Text : unmediated. — DOI 10.1007/s10993-006-9004-9 // Language Policy. — 2006. — No 5 (2). — P. 161—186.